

## Глава 12: Его Страх

Внезапная, жгучая, раскаленная боль. Это все, что он мог почувствовать.

Огонь разгорался с того места, где труп коснулся его, быстро распространяясь через него, пока жгучая жара не была всем, что он мог чувствовать. Туман, который осел в его уме, был совершенно сдут пламенем, заменив его тупое онемение неизбежной пыткой. Внезапная перемена, грубая агония, все это вызвало в нем что-то, чего он не чувствовал долгое время: чистый, расплавленный ужас. Он сгорел в его духе, пока он не был пламенем, поднимающимся в небо. Свет сжег его видение в блестящем белом цвете и отбросил тени от него - черные лепестки отпали от умирающего цветка его труп.

Он боялся. Боялся теней и тьмы. Боялся смерти и боялся того, что произойдет после. Он был так ужасно напуган, что страх укусил глубоко в его конечности ядовитыми клыками и послал свои бессловесные мысли. Он испугался и побежал. Он убежал от тьмы и смерти, которую принесла ему эта штука. Он убежал от сна, втягивая свой разум обратно в свое тело и чувствуя, как сосуд его плоти содрогается от его внезапного ухода.

Это было больно, когда он отстранился, когда он насильно сорвал все, что было, что приблизило его, что привлекло его, как добычу. Тем не менее, он не мог пролить образ черных глаз, той бездонной тьмы, которая видела его и говорила вневременным голосом. Он заклеил его, как могли заклеить железо и уголь.

Его тело бросилось и повернулось, когда он изо всех сил пытался прорваться через свои кошмары и проснуться. Он не хотел ничего, кроме как проснуться, как открыть глаза и увидеть над собой твердый камень и солнечный свет. Но чем больше он искал выход, тем больше его сны сжимались вокруг него. Он не мог стряхнуть с памяти образ этого трупа; он задерживался, как бы он ни боролся, чтобы стереть его. Огонь ее прикосновения все еще горел, как клеймо на его душе, когда его душа спряталась в безопасности его тела, мышц и костей, удерживая ужасную темноту его мечты в страхе. Его разум мчался с мыслями, дико карабкаясь, его дух все еще пульсировал от жалкой боли.

И тени, которые окружали его, ошеломляющее прикосновение тумана было еще одним ужасом. Он почувствовал их холодные объятия, почувствовал ожог их ласки на своей душе. Он почувствовал ужас, который вселил в него Скал, явное желание бежать, спастись, жить. И на короткое мгновение, когда он бежал от своих снов, он почувствовал присутствие внутри себя - горение от драгоценного камня, расположенного в его руке. И он знал его имя, имя, которое ему сказала земля-скал. Слуга, бродяга, охотник, завоеватель. Мать теней, бесконечная темная данная форма. Он заклеил его своим прикосновением.

Все вокруг него повторил сухой смех, резкий звук, как песок, летящий над камнем.

«Ты думаешь, что знаешь нас»

Потом она исчезла.

Сердце вдруг забило от его ночных кошмаров, он проснулся с вздохом и вздымающейся грудью. Яркий свет нового дня ослепил его, заставив закрыть глаза, когда его череп пульсировал от тупой боли. Он попытался сесть, но движение оказалось слишком резким для него, и его оскорбленное тело упало на пол со стуком, конечности дергались в беде, когда мышцы спасались. Он лежал там какое-то время, сердцебиение выбивало поспешный ритм скачущих копыт, когда его тело чувствовало, что оно умирает. Он едва мог даже сформировать свои мысли - обостряющие импульсы боли пробивали ему голову с каждой секундой. Он мог

ничего не поделатъ, но ждал с напряженными мышцами и когтями, копающимися в камне, чувствуя землю вокруг него, когда он изо всех сил пытался дышать короткими вздохами.

Не в состоянии двигаться и почти не думая, он мог только закрыть глаза и попытаться успокоиться. С болью, накрывшей его, и запахом засохшей крови, сон подкрался к нему и застиг врасплох без предупреждения. Он боролся с ним, боролся с ним с безрассудной решимостью, ибо боялся того, что видел во сне. Он извивался и корчился в объятиях сна, боясь еще раз увидеть страшную тьму, но его протесты не были услышаны.

Когда он заснул, рядом с ним раздался знакомый и трогательный голос. Он чувствовал себя твердым, уверенным. Уверенность, возраст, мудрость - все это держало их за голос мягким, как лепесток, и твердым, как сталь.

Теперь ты уже видел. Теперь ты знаешь. Ты столкнулся с этими ужасами, и ты должен победить их.

Земля. Это была земля, которая говорила, с тем голосом тихой силы и нежной силы. Если бы он произнес эти слова, тогда они были бы истинными; в его сердце не было сомнения. Тем не менее, его тело было сломано - разорвано и разрушено - и с ним так, он не мог бороться.

Ты не можешь умереть, дитя мое. Есть роль для тебя, которую нужно выполнить. Еще раз я могу вылечить твоё тело, но ты не должен думать об этом бессмертии. Все имеет свою цену, и кто-то должен всегда платить.

С этими словами внезапное тепло наполнило его грудь. Оно распространилось на его конечности и задушило его постоянным пульсирующим теплом. Его блестящий белый шлейф обшил его в своем коконе, погружаясь в его плоть, пока он не окружил его светящимся ореолом. Струящиеся ленты погрузились в обугленные мышцы и обгоревшие шрамы, отшелушивая омертвевшую кожу и открепляя старую плоть. Черная кровь бурлила, глядя, как будто его раны плакали, когда они текли по его груди и рукам.

Разрушенный покров был вытеснен, упав на пол, когда свежие тромбоциты поднялись на поверхность. Волокна скручивались и скручивались вместе, суставы выворачивались по мере роста новых сухожилий. Розовая кожа ползла по ранее испорченной плоти, грубые волосы удлинялись в спутанную шкуру. Пар выходил из его пор, шипел вокруг него во вздымающейся пелене, которая скрывала его исцеление от наблюдателей.

В мгновение ока, плоть, покрытая отвратительными и потрескавшимися ранами, плачущими ожоговыми шрамами, заменилась на безупречную кожу и здоровые мышцы. Еще во сне он бессознательно скатился, растягивая новые мышцы. Когда белое свечение, наконец, угасло, и пар очистился, не было даже следа ранее смертельных ран.

Опять твои раны зажили, дитя мое. Это перерождение я даю тебе не твоей ценой, а ценой всей моей. Ты должен быть осторожен; в будущем эта помощь может быть оказана только один раз. Если ты снова умрешь, эта помощь будет моей последней.

Скоро ты проснешься, а теперь я отдохну.

Голос земли звучал уставшим. Теперь было мягче, труднее слышать, как если бы это был хор с отсутствующими частями. Он очень хотел спросить об этом, многое хотел узнать, но он молчал. Прежде чем он смог озвучить любой из своих вопросов, сны взяли его за горло и утащили в мутные воды его темного пейзажа сновидений.

Он не видел валежников, не видел тьмы, но это мало утешало. Кинжал больше не был перед его глазами, он был похоронен в его плоти. Труп прикоснулся к нему, пометил его, как любое заклинание. Его нельзя было увидеть, его никак нельзя было почувствовать. Но он знал, что он был там с той же уверенностью, что он знал, что драгоценный камень в его запястье больше не жгучий горячий, а теперь совершенно без тепла.

Был мир тогда во сне, но вскоре боль снова. Ужасные судороги поразили его живот, и холод наполнил его грудь сильной болью. На нем были тени, извивающиеся сквозь его кожу. Он стащил, порезал и разорвал их в безумии, но все равно они утонули в его плоти, извиваясь в его мышцах. Холод распространялся до тех пор, пока он не затек и не замерз, каждое движение было тяжелым. Он тонул, умирал, поглощенный тенями. Он не мог видеть, не мог чувствовать собственной смерти. Ему было холодно. Он устал. Он был мертв. Он был один.

Он снова услышал слова, но это была не тихая земля. Их леденящий душу и преследующий припев посылал через него дрожь, независимо от того, сколько раз он их слышал. Голоса мертвых шептались, лихорадочно зывая к нему.

Ты чувствуешь? Ты чувствуешь, как холодная темнота убивает?

И он содрогнулся от понимания, беспомощно дрожа, услышав, как они говорят.

Сны Андахиэль. Он спит, и мы просыпаемся. Ребенок ждет, пока ты спишь. Сколько еще ты будешь спать, наследник?

Мертвые замолчали тогда, как положено, но слова, обращенные к нему, он понял. Он боролся со своим сном зубами и когтями, пытаясь избавиться от летаргии, которая поселилась вокруг него, как плащаница. Его тело сопротивлялось, слишком разбитое и слишком уставшее, но он заставил его подняться. Он хотел, чтобы он проснулся.

И так он пролил свои мечты, открыв глаза еще раз суровому свету.

Сон был нежным, но бодрствование было грубым. Он поднялся из сна, как бодрствующий труп, его разум кружился и мысли вскарабкивались, когда он изо всех сил пытался сориентироваться. Он сел в спешке, с головокружением и головокружением, пытаясь избавиться от сонливости. Давно он не спал так глубоко; его тело казалось, будто оно вырезано из камня.

Он не знал, как долго он спал, но страх и инстинкт говорили ему, что это было слишком долго. Его тело залечило раны, но цена, которую он должен был заплатить, могла быть его жизнью. Запаниковав, он принюхивался в воздухе, пытаясь найти любые следы запаха. Он учуял ее поблизости, скорее всего, зализывающую раны. Еще один всплеск вины пронзил его желудок. Он потерял себя в ярости, был так близок к ее убийству. Он должен был быть осторожен. Были вопросы, на которые ему нужно было ответить, и она была слишком ценной.

Он скатился со спины, сидя спиной к стене пещеры. У него были свежие шрамы на груди и правой руке, но мышца была исцелена от сна. Что еще более важно, его дух был исцелен больше.

Цена была слишком велика.

С самого начала он вспомнил о шкуре. Три дня прошло два дня назад, остался только один день. Но он спал, и теперь уже не было времени.

Теперь уже не было времени.

Времени не было, а тени шли. Ужас скрутил его живот в узлы, и лед заморозил его кровь. Дурак. Он был вороном - проклятым дураком. Он поднялся на ноги, мышцы протестовали, когда он медленно встал, плечо уперлось в стену. Мертвые корчились в глубине его разума, питаясь его страхом и обретая от него еще большую уверенность.

«Дурак», - насмехались они. - «Слабый дурак»

Медленно он прихрамывал к устью пещеры, коричневое солнце и зеленое небо приветствовали его, когда свет сиял на его лице. Был полдень, светило яркое солнце. Он почувствовал сухую траву под ногами, ветерок на лице и остановился. Она стояла у устья пещеры, спиной к нему, руки безвольно опущены. Она еще не заметила его, вместо этого отвлеклась на что-то другое. Он тоже мог это почувствовать. Что-то было не так. Воздух вонял кровью. Он пошел вперед, чтобы встать в устье пещеры, глядя на землю, разбитую перед ним.

Но он уже знал, что он увидит.

Бездонные пропасти прорвались сквозь землю, трещины черной пустоты, пробежавшие сквозь коричневую грязь и желтую траву. Они горели холодным огнем, который обжигал его ноги и изрыгал замерзший пар в воздух. Трупы выстилали холмы, телят, быков и плотин. Они лежали гниющие с открытыми сундуками и раздвоенными костями, жаждущие черного дыма, обвивающиеся вокруг их покрытых холодом конечностей. Черное нечто не истекало кровью из трещин в земле, поглощая камень и жизнь, когда она росла и распространялась. Тени пировали, поглощая туши мертвых. Они крали все, к чему прикасались, камни рассыпались в пыль, мякоть трескалась от осколков льда, как сама жара угасала.

Он чувствовал, что духи тоже умирали, разлагаясь в мимолетных сердцебиениях. Тени вырезать их отдельно от их тел, черный туман обертывание туже и туже вокруг них, пока их свет померк. В воздухе было безумие, пятно крови, которое вызвало пламя дикого страха. Тени были неестественными; они были ужасающими, и они были здесь. У них не было ни души, ни сердцебиения, ни формы. Их нельзя было убить. Они были Скалы. Они были хищниками и их добычей.

Боясь того, что он увидит, он посмотрел на небо. Зеленый туман окраин был испещрен черным, ленты дыма сливались в извивающийся туман. Сила потрескивала там, где встретились два цвета, фиолетовые искры безумно вылетали, когда черный пожирал зеленый. Небо поглощалось черным, свет солнца угасал. Воздух был холодным и вонял кровью, мухи и падальщики кружили в надежде на находку пищи.

Внезапный всплеск энергии пронесся по его телу из окружающего его воздуха, прошел так же быстро, как и пришел. В это сердцебиение из массы тьмы выросло змеиное сухожилие. Он пронесся по небу, словно молния, и устремился к молодому мураку, пытавшемуся убежать. Зверь истекал кровью, глаза широко распахнуты в панике. Он увидел, что его смерть пришла за ним и беспомощно выпустил короткий крик ужаса. В тот же миг ноги мурака подкосились, как его собственная тень предала его и обернулась вокруг его ног.

Черные копошились в ногах, поглощая мурака, врезавшегося в землю в брызгах крови. В то же время, болт с неба ударил зверя в шею, прорезая прямо, без малейшего сопротивления, и его тело содрогнулось в дрожащем пульсе. Набирающий черный туман подкрался ближе, когда мурак скомкался с отрубленным пнем его головы, все еще пульсируя кровью. Ноги были согнуты под неестественными углами, и его грудь была разорвана, когда темнота вырвалась из

тушки. Несколько мгновений назад он был еще жив. Теперь он пополнила ряды мертвых еще одним из многих трупов, которые засоряли землю.

Тонущее чувство, которое он чувствовал в своем сердце, сменилось отчаянием. Больше не было времени. Время шкуры уже пришло.

И как он думал, холодный голос проник в его разум, ледящий душу и неподвластный времени.

Вор.

<http://tl.rulate.ru/book/15480/312468>